

татьяна **Батенёва**
Женский детектив
ЗОЛОТАЯ ЛОВУШКА

А это называется растяжка.
Задевать нельзя — будет
взрыв.

Татьяна Батенёва
Золотая ловушка

«Центрполиграф»

2010

Батенёва Т. А.

Золотая ловушка / Т. А. Батенёва — «Центрполиграф», 2010

Журналистка Маша Зотова сопровождает Андреаса Берга, работающего в журнале «Интернэшнл джиографик», на Курилы. Командировка обычная, но это хороший повод отвлечься от тоски по ушедшему мужу. Берг очень любопытен и активно исследует все местные достопримечательности. Однажды они отправились в пещеры, к так называемым Императорским ваннам. Там Маша нашла странный камень, оказавшийся золотым слитком. Постепенно журналисты понимают, что оказались причастны к темной истории, в результате которой уже погиб человек...

© Батенёва Т. А., 2010

© Центрполиграф, 2010

Татьяна Батенёва

Золотая ловушка

Все персонажи и сюжет придуманы автором. Любые совпадения с реальными людьми и событиями являются чистой случайностью.

Я лечу. Лечу медленно, плавно, раскинув руки и ноги в восходящих воздушных потоках. Подо мной сумасшедший ковер осенней тайги – красное, рыжее и темно-зеленое. Кое-где пронзительно-синие озера, как драгоценные камни в оправе темного золота. Так, поднять правую руку, чтобы сделать кувырок влево, развернуться...

Там-та-рам, та-ра-ра-рам! – какой дурак додумался поставить плясовую на телефонный будильник? Какой дурак... Ах да, теперь вопрос задавать некому. Дурак собрал манатки и ушел навеки, строить новое счастье. Старое надоело. Так и сказал: мне это счастье надоело! И какое может быть счастье с женщиной, которой никогда нет дома?

Так что вставай, подруга. Надо как-то начинать день. Сто двадцать второй после ухода дурака с манатками и семью годами твоей жизни, уложенными в чемодан на колесиках.

Семь лет просыпаться от того, что он соловьем насвистывает в душе. Просыпаться, вставать, варить кофе и пить его на ходу, толкаясь в маленькой кухне локтями и прочими частями тела. Получать легкий, уже почти бесплотный поцелуй куда придется – в нос, в ухо, в глаз, слышать прощальное «До вечера! Или ты как, опять ночью сегодня?». Оказывается, это и было счастье?

Как же дико проснуться в одиночестве, в тишине, варить кофе себе любимой... Ничего, привыкнешь – не к такому люди привыкают. И как это все получилось? Стоп. Не начинай все сначала. Нет его, нет. И не будет больше. Вставай давай.

Открыть глаза, правой рукой нащупать сотовый, посмотреть время. О господи, уже восемь! За окном мелкий противный дождь, ветер. Пора на работу.

– Маша, зайдите к Валерию Ивановичу, пожалуйста!

Секретарша главного, сколопендра в сиропе. Как это ей удастся в простую фразу влить столько яда? Неужели ошибка прошла в материале или кто пожаловался? Маша достает зеркала, наспех растрепывает поживописнее волосы, проверяет, не растеклась ли под дождем тушь.

– Здравствуйте, Валерий Иванович! Вызывали?

– А, это ты, Маш! Проходи, садись...

Главный редактор молод, но лыс, толстоват, но энергичен. Недавно женился во второй раз. Тоже, наверное, надоело старое счастье и старая жена – решил обновить все и сразу.

– Садись, Маш, чай-кофе?

Обычная присказка сегодня звучит как-то неуверенно. Судя по интонации, это не выволочка, сейчас попросит написать заказуху или даст какое-нибудь особо противное задание.

– Спасибо, Валерий Иванович, я только что пила.

– Хочу тебя познакомить.

Главный огибает свой рабочий стол, протягивая руку куда-то к окну.

Только тут Маша видит в углу огромного кабинета у длинного стола, за которым проходят редакционные планерки, незнакомца, который при этом вежливо встает со стула и делает что-то вроде полупоклона.

– Андреас Берг, мой старый друг из ФРГ, работает в журнале «Интернэшнл джиография».

Немец, плотный, невысокий, волосы темные, со смешным хохолком на макушке, а на шее длинные, в ухе блестит бриллиант. Одет в теплую темно-синюю толстовку, в расстегнутом

вороте видна крепкая борцовская шея и белая майка. Улыбается неожиданно стеснительно, по-детски, ждет, когда дама протянет руку, соображает Маша.

– Здравствуйте. – Маша энергично трясет его ладонь. – Очень приятно. Я – Мария Зотова.

Рука у немца теплая, пальцы толстые, короткие, как сардельки. «Немец эна какой башковитый, – неожиданно всплывает в голове голос прабабушки Саши. – Сколь лет зингерь строить, износу нету».

Прабабушка, рыхлая, в белейшем платочке в черную крапинку, с клюкой в изувеченных тяжелой работой руках, все последние годы прожила у младшей дочери, Машиной бабушки. Почти не ходила, весь день сидела у телевизора, комментируя передачи. И всех иноземцев без различия называла немцами, даже китайцев. Впрочем, из иностранцев она только и видела немцев в страшную зиму сорок первого, а древний зингер тогда уцелел лишь потому, что был закопан под навозом в хлеву...

Андреас Берг молча смотрит на Машу, вежливо улыбаясь.

– Андреас собрался на Курилы лететь. Ты же из тех мест? – громко вопрошает главный.

– Я вообще-то с Сахалина, – напоминает Маша главному.

– Ну какая разница? Там же все рядом. Ты же на Курилах бывала?

– Пять лет отработала в областной газете, конечно бывала, не раз.

– Ну вот, – радуется главный. – Может быть, слетаешь с ним недельки на две? Ну, там, помочь – организовать, с местными начальниками свести, подстраховать – все-таки другой конец света? Все по договору – они платят прилично.

– Конечно, Мария, наш журнал готов оплатить все ваши услуги и также непредвиденные расходы, – встречает гость. Русский у него правильный, даже слишком правильный – он ясно выговаривает все звуки. Только интонация другая.

– Ну так как, Маш? – В голосе главного так непривычно слышать просительные обертоны, что Маша внутренне теряется. – И нам наваяешь чего-нибудь заодно – настроения там, как живут, что говорят про японцев – «северные территории» и тэ пэ?

– А на какой именно остров вы собираетесь-то? Их же много.

– Я предполагал бы посетить несколько островов южной части архипелага, – как по писаному чешет гость. – Окончательный маршрут поездки, по-видимому, будет зависеть от решения местных властей.

– А мне что, отпуск придется брать?

Маша чувствует, как все внутри напрягается:

немец-то, похоже, зануда. Провести две недели с занудой, который будет так же пунктуален и точен, как сейчас строит фразу, – занятие не из приятных. А домой, на остров, на самом деле так хочется, даже странно, что в последнее время не вспоминала про это. Но надо бы еще поторговаться с главным, не сдаваться же сразу.

– Все-таки две недели, кто за меня работать в отделе-то будет? – подпускает недовольства в голос спецкор Мария Зотова.

– А, – машет рукой главный, – какой отпуск, командировку оформишь. Как-нибудь Крапивин справится, ему давно пора порастряс тись, а то спит на ходу. Ну что, по рукам?

Немец смотрит вопросительно, но молчит. Маша замечает, какие у него смешные – длинные, светлые и совершенно прямые – ресницы. Как у поросенка.

– А подумать?

– Ну, Маш, чего тут думать-то? Эх, если бы не хозяйство, я бы сам сейчас все бросил и улетел к черту – не только на Курилы, а и куда подалее!

– Ладно, – смеется Маша. – Только мне хотелось бы задать господину Бергу несколько вопросов.

– Андреас, зовите меня, пожалуйста, Андреас, – возражает тот. – Можно Андрей, так зовут русские друзья. Очень рад.

– Ну вот вы пойдите в комнату переговоров да и почирикайте, – радуется главный, что все прошло по-задуманному. – Скажи там Оксане, чтобы кофе вам приготовила.

«Ну да, скажи Оксане, – проговаривает про себя Маша, – чтоб она нас отравила. Сами сварим». И продолжает вслух:

– Пойдемте лучше к нам в отдел, там поуютнее будет.

– Будет? А, да-да, я забывал немного русский язык, – чему-то радуется немец. – Будет – это значит есть. О, я забыл, как у вас все сложно.

Маша собирала чемодан. «Ну и ладно, – думала она, – ну и прекрасно. Вырваться из беличьего колеса, бросить все на время – черт, в октябре сдавать рукопись книжки, за которую уже получен аванс, а она еще и наполовину не готова! Ну, ничего, там буду работать, если получится, в конце концов, поавраю в сентябре, допишу. Зато оторвусь от затянувшейся ситуации разъезда-развода, которая так выматывает душу. Как Олег сказал в последний раз: куда спешить, на развод опоздать невозможно?» Он всегда был таким: начинал что-то грандиозное, заводил ее, а потом на полдороге ломался, не мог завершить ни одно начатое дело. Ее пунктуальность и работоспособность выводили его из себя. В конце концов, гением в их семье был он, Олег Зотов, так повелось с первого курса. Она, Маша, была серой мышкой, рабочей лошадкой. Он писал роман, она вкалывала в газете, он планировал получить все литературные премии, она зарабатывала деньги на жизнь...

Как получилось, что у нее со временем образовалось имя в журналистике, каждый год выходили книжки, а он так и оставался «молодым писателем, подающим большие надежды»? Именно это, конечно, и стало причиной разрыва, а вовсе не новая любовь и новое счастье... Трудно, да нет, невозможно для амбициозного мужчины пережить успех женщины, которая по идее должна тихо сидеть в его тени и обожать...

Она положила сверху теплую куртку – в конце августа на Сахалине обычно тепло, но на Курилах погода непредсказуемая. Так, что еще? Пару блокнотов, несколько запасных ручек, диктофон, батарейки...

«Ну и пусть, – подумала в который раз. – Переведу дух пару недель. Может быть, станет легче».

Вечером Берг вновь тщательно сверил свой багаж с описью в ноутбуке. Он уже лет десять не был в Москве и опять забыл, как суматошно, неорганизованно и неожиданно проходит здесь жизнь. То срывались запланированные встречи, то вдруг надо было вне расписания дня нестись куда-то на другой конец огромного города в гости к старому товарищу, случайно встреченному на Тверской, за пять минут переодевшись и кое-как покидав вещи в гостиничный шкаф. И вернуться в номер далеко за полночь, тяжело пьяным и счастливым от нахлынувших воспоминаний такой недавней и уже забытой молодости...

Он быстро попадал под влияние непредсказуемой московской жизни, словно опять оказывался в запущенном и разгульном общежитии на Ленгорах, которые теперь опять стали Воробьевыми. И вот результат: вещи вынуты из тщательно уложенного чемодана, пара несвежих маек вообще валяется в кресле, дневник не ведется уже несколько дней, во рту горький вкус – привет от перегруженной алкоголем печени...

И спутник для дальнего путешествия, от которого так много зависит, выбран совсем не тот, какой был бы нужен. Нет, девушка мила, кажется, неглупа и с характером, и ее шеф и старый друг Валерий о ней отзывается с большой симпатией. Но как она перенесет физические нагрузки там, на островах, где понадобится много ходить пешком? Хватит ли у нее сил и здоровья сыграть важную роль в том деле, которое он задумал? И самое главное, поймет ли она его, если придется сказать правду? Отчего-то ему казалось, что мужчина понял бы и вер-

нее согласился бы помогать. Конечно, он готов стимулировать напарника деньгами, но в таком деле деньги не всегда – главное...

Но что делать: все сложилось так, как сложилось. И что бы ни было дальше, он выполнит то, что задумал. Ведь это, по сути, единственный оставшийся у него шанс.

Андреас аккуратно упаковал вещи, перечитал последнюю, написанную три дня назад, страницу дневника, кратко записал то, что произошло за последние дни. Нужно принять душ и лечь пораньше, чтобы выспаться перед самолетом. И конечно, как всегда, вечером позвонить домой.

За толстым стеклом иллюминатора топорщится выгоревшая шкура сибирской тайги: светлый подшерсток и темная шершавая ость вековых елей. Шкура свалена в складки там, где горы, и плоско тянется сотнями километров на равнинах.

«Я лечу привычно, как едут на автобусе в райцентр жители дальних деревень. За годы сахалинской жизни налетала оттуда в Москву и обратно сотни раз вокруг экватора – есть такая мера длины у дальневосточников. Было бы тяжело, если бы не нынешняя самолетная мода – новые авиакомпании теперь, как за границей, предлагают в полете алкоголь. От выпитого вина слегка туманится голова, зато отпускает ледяной ком страха внутри.

Симпатичная стюардесса движется по проходу, по-матерински наклоняясь к креслам. Да, мы все в самолете похожи на маленьких детей – в душе трусим, как бы ни был спокоен полет, заглядываем в глаза проходящим мимо летчикам, хотим услышать лишний раз, что все в порядке.

Я лечу, ощущая под собой огромный слой воздуха, у земли плотного, но выше все более разреженного. За бортом, на высоте десяти километров, его почти уже нет – если выпасть из самолета, задохнешься быстрее, чем успеешь испугаться...»

Маша открывает глаза, прерывая текст, который сам собой складывается в голове – не для дела, а так, словно страница книжки, которая никогда не будет написана. В последнее время она и на ходу, и в транспорте постоянно пишет в уме какие-то тексты – может, чтобы занять голову, чтобы не думать о последних событиях, не чувствовать себя несчастной?

Она не успевает додумать эту не очень приятную мысль – Андреас что-то завопил в кресле рядом. Она поворачивается к нему.

– Мария, пожалуйста, сколько времени мы будем плыть до острова Итуруп? – Андреас тычет сарделечным пальцем в свою роскошную карту Дальнего Востока – подробную, напечатанную на тонком пластике. Сложенная как маленькая книжка, она ничего не весит, не порвется и не размокнет – не иначе в военном ведомстве изготовлена. От южной оконечности Сахалина до Итурупа его толстый палец едва помещается.

– Точно не скажу, зависит от теплохода и от погоды, если «Мария Ульянова», то часов двадцать, а если «Софья Перовская», может, и побыстрее.

Маша в который раз изумляется страсти своего спутника к точности. В такси он донимал шофера, сколько минут тот будет ехать до Домодедова. Таксист, слегка напрягаясь и глотая «связки» слов, пытался объяснить, что в Москве даже в ранний час это предсказать невозможно: пробки бывают на пустом месте. «Да-да», – вежливо кивал Берг, но было ясно, что ему объяснение не очень понятно.

Берг достает щегольской маленький ноутбук, открывает. На мониторе фотография – симпатичный мальчик лет двенадцати, с такой же смешной стрижкой – вихор на макушке и длинные волосы по плечам, как у Андреаса. Мальчик сидит в кресле у какого-то цветущего куста, смеется и показывает «виктори» – два растопыренных пальца.

– Ваш сын? – Маша кивает на фото.

– Да-да, это мой сын Константин.

– Ох ты, по-русски назвали?

– Я назвал его именем великого византийского императора Константина. Если у меня будет еще один сын, его имя будет Максимилиан – тоже византийский император.

– Вы поклонник византийских императоров? Тогда должны знать, что русские князья их сильно били когда-то, – смеется Маша.

– Византия – великая мировая культура, я очень люблю Истамбул, много работал там. Особенно храм Айя-София, – серьезно объясняет Андреас. – В нем есть такое окно, туда надо положить руку и загадать самое важное желание – оно сбывается.

– И у вас сбилось? – не удерживается Маша.

– Сбылось... – Андреас медлит, но потом все же договаривает: – Я хотел, чтобы у меня была хорошая семья, родились дети. И Константин у меня появился.

– Здорово! – Маше почему-то неловко, что-то горькое есть в интонации немца. – Значит, исполнится и второе желание – родится маленький император Максимилиан.

– Это отдельная проблема, – как-то слишком отчетливо отвечает Берг. – Но я счастливый, что у меня есть Константин.

– А вы его дома так и называете – Константин?

– Называем, да, – кивает немец. – А вы называете как?

– Маленьких у нас называют Костя, или Костик, или даже Котик – у меня есть такой родственник мальчик Котик, – улыбается Маша.

– Это значит маленький кот? Котенок?

– Ну да, типа того. Маленькие ведь все мягкие, пушистые и все похожи – котята, собачата, ребята, – веселится Маша.

– Да-да, – отводит взгляд Андреас и начинает что-то быстро набирать. Показалось или нет, что глаза его подозрительно заблестели? Он что, прослезился, настоящий толстый сентиментальный немец?

Полистав полчаса какой-то глупый гламурный журнал, Маша косит глазом на монитор, но текст набран на немецком.

– Путевые заметки? – не выдерживает она.

– Да-да, – отрывается от клавиатуры Берг. – Наше путешествие началось, и я записываю это.

– Это – что? – не унимается Маша.

– Вот... – Берг шевелит губами, быстро переводит. – Моя спутница – русская журналистка Мария. Она красивая молодая женщина, стройная, с коротко стриженными светлыми волосами и грустными серыми глазами. Я не знаю причины ее грусти, но когда Мария улыбается или смеется, она становится еще красивее, а ее глаза – еще грустнее...

– А-а, ну да, кхм, – тянет от неожиданности Маша. Ей хочется провалиться сквозь твердое самолетное кресло, но делать нечего – надо как-то выкручиваться из ситуации. – Вы мне вот так грубо льстите, Андреас? – Она пытается перевести все в шутку. – Не поможет, русские журналистки неподкупны!

– Льстить – это говорить неправду? – пытается вспомнить редкое слово немец. – Да-да, но я написал правду. У вас есть горе? Я не имею прав спросить, извините.

– Да какое горе! – Маше становится на мгновение остро стыдно – надо же, распустилась до чего. – Так, мелкие неприятности. Все будет путем!

– Путем? Путь – это дорога? Это значит – мы правильно летим? Надо записать! – смеется Андреас.

«Не слишком ли он умен, сентиментальный толстяк, не хвачу ли я с ним настоящих проблем, и как, собака, хорошо знает русский язык!» – Этими вопросами Маша задается до самого Южно-Сахалинска, который, как всегда, внезапно выскакивает из плотных облаков уже почти на самом приземлении.

Странно приехать в родной город, где нет уже твоего дома. Восемь лет назад, похоронив отца, мама переехала в родной городок в Центральной России.

Маша уехала в Москву еще раньше, пригласили на работу в штат большой газеты, в которой год соборила до этого. В столице долго привыкала, хотя пять лет училась здесь, все, казалось, было родное и знакомое. Но Сахалин сидел в сердце занозой, его долго не хватало Маше Зотовой в ее завидной столичной жизни. Потом привыкла.

Маша вышла на трап, и сразу лицо залепил влажный плотный ветер с острым запахом осенней тайги. Первые годы в Москве, особенно осенью, ей сильно не хватало именно этого воздуха: смолистого запаха тополей на проспекте, влажного аромата цветов на углу центральной площади, где сидели со своими ведрами корейки-цветочницы. Пряной вони рынка, где те же корейки торговали жгучими соленьями и специями и где груды были навалены помидоры, зелень, стояла в ведрах таежная ягода. Запаха самой тайги, который приносили в город мокрые циклоны, – острого соуса из грибов, лимонника, папоротников, преющей листвы, багульника... Она, как лесной зверь, принималась к московскому воздуху, пыталась найти хоть слабое подобие сахалинской осени и не находила его ни на задушенных бензином столичных бульварах, ни в блеклых и пресных подмосковных лесах. Теперь родные запахи обрушились на нее как яростный летний ливень – от одного этого захотелось петь и танцевать.

Разместились в гостинице. Маша кинулась звонить в свою газету, друзьям, назначать встречи. Не терпелось всех увидеть, но приходилось думать о спутнике – не бросишь же его одного в помпезном, самом дорогом номере самой дорогой, построенной недавно гостиницы с претензией на шик. Берг, со своим хохолком на макушке, кожаным кофром, щегольским спортивным рюкзаком, ноутбуком и дорогим чемоданом, а самое главное – паспортом и профессией, вызвал откровенное любопытство дородной дамы на ресепшн и двух веселых горничных. А раз так, то скоро весть о «журналисте из Германии» разлетится по всему отелю.

– Мария, какой план действий? – Свежий после душа, готовый к подвигам Берг предстал перед Машей ровно через полчаса.

– Сейчас – в редакцию, ребята помогут организовать встречи с нужными чиновниками, а там посмотрим!

– Необходимо вызвать такси?

– Да какое там такси, тут пешком пять минут, это же маленький город, – развеселилась Маша.

Берг посмотрел недоверчиво.

– Машка! – навстречу по длинному редакционному коридору неслась Лидочка Кравец, крупная, неуклюжая, с сияющими глазами. – Как же здорово, что ты наконец выбралась!

Лидочка выросла в рабочем поселке, была отличницей, комсомольской активисткой. Ее моральные устои сформировались раз и навсегда под влиянием родителей, правильных советских людей, и правильной советской литературы, воспитывавшей строителей коммунизма. Она верила в настоящую любовь до гроба, в то, что добро всегда побеждает зло, что хорошим людям надо помогать, а с плохими бороться до конца, что герои нашего времени ходят среди нас.

В журналистику она пришла с этими убеждениями и ничто и никто не смог ее поколебать. Когда Маша уезжала, Лидочка была заведомо молодежки, теперь стала ее редактором. На волне перестройки, когда все они начинали свою карьеру, молодежка процветала, тиражи росли, а Лидочка была главным борцом за правду и за «сирых и убогих», как иронизировал тогда бывший заместитель редактора, лохотный красавец Валера Миронов. Она без устали защищала и разоблачала, устраивала чужие судьбы и портила нервы начальникам всех мастей.

Когда перестройка кончилась, а вместе с ней кончился и обком комсомола, содержащий газету, и начался дикий капитализм, выяснилось, что теперь надо зарабатывать деньги и

конкурировать с новыми газетами, которые стали плодиться, как бездомные котята в подвале. А для этого писать о том, что нравится новым бизнесменам-рекламодателям, которых газета прежде клеймила как прохиндеев и экономических преступников. Мужики из газеты подались кто куда, а верная Лидочка, как всегда, приняла огонь на себя. Бизнесвумен из нее не вышло, газета хирела, уступая конкурентам одну когда-то завоеванную высоту за другой. Но Лидочка никак не могла смириться с тем, что надо идти на поводу у богачей, печатать «развлекаловку» типа светских сплетен, кроссвордов и гороскопов или откровенную «заказуху».

Верна себе осталась Лидочка и в личной жизни: ни одного поцелуя без любви, а любви так и не случилось. После смерти матери она осталась одна в большой квартире, в которой постоянно толклись то бездомные друзья и подруги, то приезжавшие из разных мест области бывшие герои ее очерков и расследований. С большинством из них у нее завязывалась самая настоящая дружба.

– Ты надолго? – Лидочка обняла Машу и только тут заметила за ее спиной Берга.

– Знакомся, Лидочка, это Андреас Берг из «Интернэшнл джиографик». Мы с ним едем на Курилы на пару недель, желательно морем, но побыстрее, нужна твоя помощь, – освободившись из объятий подруги, быстро проговорила Маша, чтобы сразу расставить все по местам.

– А как же... Ты и не побудешь нисколько? Ну не сегодня же вы поплывете? – искренне огорчилась Лидочка, уловив только слово «побыстрее».

– Нет, конечно, – засмеялась Маша, – но завтра было бы неплохо. Только надо определиться, как это лучше сделать, с кем для этого встретиться здесь, в Южном, и с кем контактировать там.

– А, ну это мы сейчас созвонимся с Нефедычем, Славку Нефедова помнишь? – сразу сообразила Лидочка. – Пойдемте ко мне, я сейчас чайку, позвоним в администрацию, пойдем-пойдем...

Через пару часов неутомимая Лидочка уже договорилась о встрече Маши и Берга с помощником губернатора Новикова, узнала расписание теплоходов на Курильск, дозвонилась до Нефедова, который работал в ее газете несколько лет, а теперь уже второй год был редактором курильской районки, напоила гостей чаем.

Маша наслаждалась Лидочкиной по-прежнему негасимой энергией. Та успевала звонить, в промежутках рассказывать о своих делах – это были главным образом дела ее друзей, знакомых и знакомых друзей, расспрашивать Машу о ее жизни, задавать вежливые вопросы Бергу, руководить работой по номеру – к ней то и дело забегали сотрудники, но не столько по делу, сколько из любопытства. Большинство из них Маше были уже незнакомы, но, судя по взглядам, ее знали: журналисты молодежи, сделавшие успешную карьеру в столице, были известны всем и вдохновляли молодежь на собственные подвиги.

Потом Маша и Берг отправились в администрацию – представиться руководству области. А вечером Лидочка пригласила, слегка конфузясь чужеземца, поужинать у нее дома, пообещав собрать «всех наших» – то есть тех, кто работал в прежнем составе молодежи и кто хотел непременно повидать приезжих.

Маша ходила по городу, радовалась встречам, но тем не менее ловила себя на том, что старые друзья казались меньше ростом, как-то съезжились. Любимые улицы виделись узкими и пыльными, хотя по ним медленно катились огромные стада японских «праворуких» авто, отчего-то сплошь белых, – теперь привезти автомобиль с Хоккайдо оказалось гораздо дешевле, чем купить отечественную «копейку».

Разные укромные уголки, которые в дни ее юности еще хранили отчетливые признаки давнего японского присутствия – тонко подобранные по форме и цвету деревья и кустарники, вроде бы случайные, а на самом деле собранные рукой художника нагромождения серых валунов, – превратились в стандартные городские скверы с прямыми углами и обшарпанными скамейками. Только монументальный краеведческий музей, расположенный в бывшей рези-

денции японского генерал-губернатора Сахалина, и два каменных льва с азиатскими физиономиями у входа вызывали все тот же восторг, что и в детстве.

Столичная штучка, ехидничала над собой Маша, конечно, вам теперь тут масштаб не тот вам подавай московский гламур, вам тут провинция... Но с грустью понимала, что и правда провинция, и масштаб не тот, и останься она тут, так же смешно обсуждала бы в редакционных коридорах главную здешнюю новость – наглую «прихватизацию» какой-то местной гостиницы каким-то мелким чиновником из городской администрации...

Маша так и не почувствовала себя дома, пока утром следующего дня газетный фотограф Мишка Стулов не отвез ее и Берга на своей раздолбанной «Ниве» на тихоокеанское побережье, в Лесное. «А то совсем все забыла, наверное», – ворчал еще больше растолстевший Мишка, вместе с которым когда-то Маша отработала десятки командировок.

Только здесь, сев на серый мелкий песок и увидев мерно дышащую огромную гладь, Маша поняла, как ей на самом деле не хватало этого огромного океанского простора и серого неба над ним. И запаха гниющей ламинарии на берегу. И скрипучих воплей чаек, с маху падающих в воду. Слезы навернулись Маше на глаза, Берг деликатно отошел подальше, беспрестанно щелкая фотокамерой. Мишка, пыхтя и отдуваясь, собрал костерок, достал промасленные свертки с закуской, продавленную армейскую фляжку...

– Неужели все та же? – кивнула Маша на знаменитую походную подругу Стулова.

– А чего ей сделается? – удивился Мишка. И предложил выпить за знакомство, налив в металлические стаканчики своей фирменной «стуловки» – водки, настоянной на местной пронзительно кислой ягоде, которую официально называли красникой, а в обиходе – за ни с чем не сравнимый запах – просто «клоповкой».

Берг спешил записать впечатления дня. «Здесь люди не похожи на тех, с которыми я знакомился в Москве. Они чем-то неуловимо отличаются – возможно, большей открытостью, они как будто не делают различия между мной, иностранцем, и собой. Они приветливее и гостеприимнее. Лидия сразу же пригласила меня в дом, хотя мы познакомились с ней полчаса назад. Они с интересом расспрашивают о жизни в Европе – москвичи часто бывают за границей, и у них теперь особого любопытства мы не вызываем.

Здесь иначе выглядит и Мария – она как-то расслабилась, ушла настороженность. Она, оказывается, сентиментальна – когда мы приехали на побережье океана, я заметил на ее глазах слезы...»

Берг прервался, подошел к окну: по главной улице, переваливаясь на выбоинах, двигались потоки японских авто.

«Скоро я доберусь до цели своего дальнего путешествия. – Нетерпение захлестывало его. – Я уверен в успехе, я просто не могу не найти то, что ищу. И если для этого понадобилось бы обогнуть земной шар еще сто раз, я сделал бы это. Что бы там ни говорила Барбара, я доведу начатое до конца...»

Он вернулся к ноутбуку, закрыл файл, посчитал временную разницу с Франкфуртом: там еще только шесть утра, звонить Константину рано. «Ну ничего, позвоню с теплохода», – решил он.

Поздно вечером Маша и Берг погрузились на теплоход «Игорь Фархутдинов» в порту Корсаков. Как растолковала Маша, он был назван в честь бывшего губернатора области, нелепо погибшего в авиакатастрофе за год до этого как раз на Курилах. Пилот вертолета не распознал вовремя скрытую туманом сопку – и целая группа областных чиновников погибла, когда вертолет ударился о склон...

– Надеюсь, мы с вами не будем там летать на вертолете? – полушутя-полусерьезно спросила она.

Берг промолчал – он еще не знал, каким транспортом придется добираться до его цели.

Они разместились в каютах и поднялись в ресторан. Публики в просторном зале было мало – курильчане, возвращавшиеся из отпусков, по давней традиции оставляли все деньги на материке и по дороге домой обходились «сухим пайком». Поужинав, вышли на палубу. Легкие волны в свете луны отблескивали свинцом, из динамика неслись старые шлягеры. Берг стоял на корме, неотрывно глядя на след теплохода – как будто под кормой кипел огромный чайник. Хохолок на Берговой макушке трепыхался.

– Андреас, вы ведь на Дальнем Востоке в первый раз? – не удержалась Маша.

Берг повернулся, посмотрел молча, потом словно нехотя сказал:

– Я несколько раз побывал в Японии. Почти рядом.

– Ну, Япония это совсем другое, – слегка обиделась Маша. – Я имею в виду на нашем Дальнем Востоке.

– Да-да, впервые.

– А что вас так сюда потянуло?

– Всегда интересно повидать новое место, – вежливо улыбнулся Берг. – И это моя работа.

– Ну, вы как хотите, а я пойду спать. – Маша вдруг почувствовала, что еще секунда – и она уснет прямо здесь, на палубе.

– Желаю вам спокойной ночи! – поклонился Берг.

Маша засмеялась и сделала книксен. Ей почему-то вдруг стало весело. В каюту она спускалась, подпевая судовой трансляции: «Со всех вокзалов поезда уходят в дальние края-а...»

«Игорь Фархутдинов» встал на рейде Курильска утром. В ясном прохладном воздухе беспорядочная россыпь серых домов на склоне сопки с сиреневыми столбиками дыма над крышами была похожа на какую-то огромную свалку. За сопкой невероятной декорацией плыл в воздухе симметричный силуэт вулкана Богдан Хмельницкий. Вылитая гора Фудзи на картинах Хокусая, в который раз подумала Маша.

– Вы не находите, что этот вулкан очень похож на свитки Хокусая? – Берг повернулся к Маше, блеснув бриллиантом в ухе.

– Похож, очень похож. – Маша не удивилась познаниям немца, но ее снова неприятно поразило то, что он словно прочитал ее мысли.

К борту «Фархутдинова» с тархтением и плеском подвалил плашкоут – плоскодонная баржа, на которую надо было высаживаться по хлипкому трапу. Плашкоут колыхался на волне явно не в такт с судном. Берг недоверчиво смотрел, как приплывшие домой курильчане ловко сгибают вниз, держа в руках объемистые чемоданы и баулы.

Два матроса, скалясь и отпуская нехитрые шутки, внизу подхватывали только женщин и детей. Наконец прыгнула вниз и Маша, ей не дали удариться о черную палубу, аккуратно придержали на весу. Берг сначала передал вниз свои шегольские чемодан и рюкзак – матросы переглянулись, но ничего не сказали, как опасалась Маша. Наверное, поняли, что какая-то шишка. Потом немец неловко прыгнул сам с кофром в руках, чуть не упал, но выровнялся и поблагодарил матросиков, хотя те стояли опустив руки. Матросы еще раз переглянулись. Плашкоут потарахтел к деревянному причалу.

На причале стоял долговязый Славка, издали размахивая длинными руками.

– Приехала, вот молодец! – что есть духу орал он, распугивая стоящих рядом женщин.

Посадив Машу и Берга в уазик, довез до редакции районки.

– Ну, рассказывай! – Славка уселся верхом на стул, заплетя под него ноги. – На сколько приехала, чем пособить?

Пока Маша в который уже раз объясняла цель поездки и свою роль при Берге, тот осторожно оглядывал крошечный кабинет Нефедова – продавленный диван, колченогий стол, портрет президента на стене, пожелтевшие подшивки районной газеты и электрический чай-

ник на подоконнике, на котором замысловатым узором сплетались следы от кружек. Маше стало смешно – наверняка Берг никогда в жизни ничего подобного не видел.

– Все понял! – Славка прилепнул ладонь к оттискам свежих газетных полос на столе и тут же чертыхнулся – на ладони отпечатались черные строчки. – Поселитесь у меня или в гостинице?

– Лучше в гостинице, – неуверенно протянула Маша. – Она все там же?

– Ну а где ей еще быть? Правда, там теперь есть два номера люкс, если, конечно, свободны. – Славка схватился за телефон. – Вам еще надо в райотделе милиции зарегистрироваться, да и к пограницам зайти – чтобы знали, что вы тут по острову разгуливать будете. Элеонора, это Нефедов, привет! – заговорил он в трубку. – У тебя люксы свободны? Заняты? Да мне тут надо бы двух журналистов поселить дней на десять. Нет, поодиночке. Поселишь? Ну, хоп, спасибо!.. Чем еще помочь? – Нефедов выжидательно смотрел на Машу.

– Андреас хотел бы поснимать в поселке: на рыбопроизводном, на разделке, на улицах, в магазинах – ну, в общем, жизнь как она есть. Ты, Слав, позвони, кому сможешь, а? У нас аккредитация пресс-службы губернатора есть, но сам знаешь, лучше здешнее начальство предупредить.

– Да без вопросов, он же не компромат приехал собирать, а, не компромат же, Андреас?

А даже если и компромат, все равно слава Курилам обеспечена, а? – захохотал Нефедов. – Давайте сейчас расселяйтесь, регистрируйтесь, а потом зайдите в администрацию, глава у нас в отпуске, так вас замглавы ждет, ему сообщили, что вы тут. Пообщайтесь с Алексеем Александровичем, так сказать, визит вежливости, ну и для порядка. И потом, вам это будет полезно.

В гостинице дородная блондинка с щедрым макияжем на лице и в красном платье с черными рюшами («Ну точно гроб, в котором хоронят ветеранов», – неполиткорректно подумала Маша) гостеприимно распахнула две соседние двери.

– Люксы, к сожалению, заняты, но там добавлены только телевизоры и холодильники, а так все то же, что и в этих номерах, располагайтесь. Туалет и душевая в конце коридора, кипятилок для чая у меня. А меня звать Элеонора, я хозяйка, к вашим услугам. – И «гробовая» дама широко улыбнулась, сверкнув металлическими коронками. – Попрошу паспорта, я их на регистрацию сдам в РОВД.

В комнатах стояли кровати, застеленные одинаковыми покрывалами в цветочек, у входа – шкафы середины прошлого века, у окна такие же письменные столы, по паре стульев. За дощатой перегородкой – сиротливая раковина, стеклянная полочка и пластмассовая урна. Маша внутренне ждалась – слишком уж явно обстановка номеров не соответствовала их стоимости. Но Берг, не выказав ни малейшего удивления или недовольства, внес в номер свой багаж, который явно стоил больше всего здания гостиницы вместе с его начинкой.

– Через полчаса выходим, как вы? – неуверенно спросила Маша.

– Да-да, Мария, я буду готов через полчаса, – невозмутимо ответил Берг.

Когда через полчаса Маша коротко постучала и открыла дверь Берга, он был занят подготовкой «разгрузки» – так редакционные фотографы называли что-то вроде детского фартучка с множеством карманов, по которым были в определенном порядке рассованы объективы, запасные аккумуляторы, лампы-вспышки и прочая фотоамуниция. Но «разгрузки» знакомых Машиных «фотиков» были простенькие – из джинсы или просто черной ткани. У Берга «разгрузка» была щегольская, как все его снаряжение: темно-серая замша была расчерчена на кармашки красной тесьмой, ремни, которыми «разгрузка» застегивалась на спине, были снабжены удобными карабинами.

Берг любовно вынимал каждый объектив из замшевого серого мешочка и укладывал по кармашкам – готовился к работе. Маша невольно залюбовалась – ей всегда нравилось смотреть

на профессионалов, чем бы они ни занимались. Собственно, это и было самое интересное в ее работе...

– Я готов! – отрапортовал Берг, уложив в последний кармашек какой-то маленький приборчик, названия которому Маша не знала. – Мы можем идти?

Они проделали обратный путь к центру поселка, зашли в свежотремонтированное здание администрации. Когда-то тут, помнила Маша, был райком КПСС – типовой двухэтажный дом, обшитый вагонкой «в елочку». Теперь, отделанный светло-желтыми пластиковыми панелями, с новыми стеклопакетами, он выглядел вполне по-европейски.

Секретарша величаво приветствовала их, заглянула в кабинет, отставив обширный зад, и тут же широко распахнула дверь:

– Проходите!

Замглавы сидел за громадным столом под портретом президента и двумя большими иконами в золоченых окладах. Сбоку в специальном «подстаканнике» стоял триколор. Замглавы радушно улыбнулся, вышел из-за стола, издали протягивая руку.

– Очень рад, очень, мне из пресс-службы губернатора звонили, просили, так сказать, принять и обогреть! У нас тут часто столичная пресса гостит, в прошлом году Первый канал пожаловал, но вот из Германии пока журналистов не бывало! Ячменев Алексей Александрович, очень рад! – поочередно потряс он руку Маше и Бергу.

Те тоже представились и усадились за длинный стол для совещаний.

– Ну какие у нас планы? – вопросительно поднял брови Ячменев. – Что собираетесь писать, где снимать?

– Господин Берг должен подготовить материал о самых дальних российских островах, о хороших людях, местных достопримечательностях, – привычно завела Маша. – Читатели его журнала – образованные, солидные граждане практически всех развитых стран, так что это будет своего рода презентация Курил для всего мира...

Берг согласно кивал на каждое слово. Ячменев улыбался во всю ширь и тоже кивал.

– Ну, хотелось бы, чтобы вы показали наш район всесторонне, так сказать. – Ячменев развел руки в стороны. – Его прошлое, настоящее, будущее. Вы знаете, президент и правительство уделяют большое внимание развитию Дальнего Востока в целом и Курил, так сказать, в частности. Недавно выделены значительные средства на развитие инфраструктуры... Правда, мы пока их не получили, но непременно получим, да! У нас большие планы, вот, позвольте.

Он встал из-за стола и подошел к большому планшету, висящему на стене.

– Это, так сказать, наш генплан. Лет через пять вы Курильск не узнаете. – Ячменев поводит пальцем по прямоугольникам на плане. – Центральную площадь мы забетонируем, разобьем сквер, тут будет фонтан. Капитально отремонтируем школу, детсад и восемнадцать жилых домов. Тут будет новый корпус ремзавода, с этой стороны вырастет новая котельная. А вот здесь, на высотке, построим храм Пресвятой Богородицы...

– Это где же, на сопке Любви, что ли? – вырвалось у Маши, следящей за ячменевским пальцем.

– Ну, это же, так сказать, неофициальное название – так, наследие прошлого! – Ячменев дробно рассмеялся. – Правильное название – сопка Черемуховая, там ведь черемухи много. А будет храм, настоящий, с золотыми куполами, с колокольной, мы уже и благословение нашей епархии получили, и проект готов... Вот. – И он указал на рисунок в рамке, висящий рядом с планшетом. На нем был изображен белокаменный храм с тремя куполами и пристроенной сбоку колокольной на фоне закатного неба. Рядом висели фотографии в рамках: Ячменев с артистами известного театра, Ячменев с каким-то батюшкой в парадном облачении, Ячменев с делегацией маленьких улыбающихся японцев... – Поймите, нам здесь, на границе России, без

веры никак нельзя, – проникновенно сказал Ячменев. – Вера нужна людям, чтобы преодолевать трудности, строить, растить детей!

– Здесь же, я знаю, капитальное строительство очень дорого обходится, – задумчиво сказала Маша. – Не разумнее было бы потратить такие средства на новую школу или больницу?

– Будет, будет у нас новая школа! – Ячменев довольно похлопал по планшету. – Больницу приведем в порядок, новое оборудование нам обещали... Но без веры нельзя! Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму, помните? И люди это оценят, поверьте! Будет у нас прямо как в столице! – И он, дирижируя указательным пальцем, неожиданно пропел приятным баритоном: – «Москва, звонят колокола! Москва, златые купола!» А?

И Маша наконец поняла, почему ячменевское лицо ей так знакомо. Конечно, он сильно изменился за эти годы, пополнел, посолиднел – округлые щеки лежат прямо на белом воротничке, под дорогим пиджаком круглится брюшко, а волосы тщательно уложены феном. Но нет сомнений, это же с ним тогда, в девяностом году, у Маши вышла неприятная история!

Ее, после третьего курса приехавшую на первую большую практику, отправили в Курильск, писать про районную комсомольскую конференцию. Мероприятие настолько скучное, что редактор областной молодежи Боря Бубенцов сам лично сказал ей: «Ну привези нормальный отчет, мы его подсократим да напечатаем, что делать – надо!»

Но Маша подошла к делу творчески – вместо унылого отчета о самой конференции написала о лучших ребятах-комсомольцах района и о том, что их на самом деле волновало. Парень-моторист из рыбколхоза рассказал ей, как райком комсомола в прошлом году громкогласно объявил районную спартакиаду, но дальше турниров по шашкам и шахматам дело не пошло. Девушки из районной библиотеки показали провалившийся пол и покосившиеся стеллажи, с которых сыпались старенькие, давно не пополняемые книжные фонды. Молодая учительница посетовала, что после уроков подросткам некуда податься, потому что школу запирают на ключ, а она хотела было вести волейбольную секцию, так сетки нет...

И второго секретаря райкома комсомола Алешу Ячменева она отлично запомнила – это он в перерыве стоял перед немногочисленными делегатами конференции, встряхивая роскошными кудрями и дирижируя обеими руками, и громче всех пел модную тогда песню композитора Иванова: «Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам, Мы хлеба горбушку – и ту пополам! Коль ветер лавиной и песня лавиной – тебе половина и мне половина-а-а!» Куда лавиной катилась песня, было непонятно, но задорная мелодия многим нравилась... Вот из-за этого приятного баритона его и невозможно было не узнать!

– Так вы меня совсем не помните? – Маша широко улыбнулась – В девяностом году я у вас тут была на отчетно-выборной конференции, практикантка из областной молодежи, Маша Прохорова, не помните? А потом, года через два, мы с вами в Южном встречались. Вы тогда уже в обкоме комсомола работали, а я приехала после журфака...

– В каком-каком? – Ячменев прищурился. – Столько воды утекло! Да-а-а, вы, значит, у нас начинали? Хорошую карьеру сделали!

– Ну, вы тоже ничего! – Маша обвела рукой кабинет.

– Да какие у нас тут карьеры! Работаем, так сказать, на самом краешке земли, на переднем фронте! С нас Россия начинается, мы тут как разведчики в дальнем походе!

Маша едва не прыснула – такими знакомыми показались ей лексика и пафос, прозвучавшие из уст чиновника.

– Так все-таки комсомол вас вывел на большую высоту! – слегка подколола она, вспомнив, как отбивался от звонков первого секретаря райкома партии Боря Бубенцов после ее статьи: опорочила ваша практикантка районную комсомольскую организацию, очернила, а мы тут на переднем крае!

– Ну что комсомол!.. – Ячменев улыбнулся еще шире. – Конечно, он нам дал какую-то закалку, опыт, не будем забывать, но и преувеличивать не стоит! Главное – работа с людьми,

экономическое образование, а здесь одними лозунгами не отделаешься! Тут у нас непечатый край работы, понимаете? Положение непростое, Япония под боком, понимаешь, соблазны, легкая жизнь! А мы российские интересы должны отстоять так, чтобы Родина была спокойна – ни пяди исконно русской земли не отдадим! Тут ведь наши предки триста лет назад эту землю России-матушке добывали не затем, чтобы ее потом подарить кому-то, так, нет?

Маша слушала речь замглавы и вспоминала, как переживала тогда, что ее статья оказалась причиной неприятностей для газеты, хотя она ни слова неправды не написала. Но Боря Бубенцов недаром был обожаем своими сотрудниками, хотя особыми журналистскими талантами и не отличался. Обожали его за другое: он никогда не сдавал своих.

Если ему звонили обиженные критической публикацией, писали недовольные ошибками корреспондента или даже устраивали разнос в отделе пропаганды обкома комсомола, он искренне удивлялся: «Да что вы, товарищи, меры уже приняты! Да этот человек у нас уже три дня как не работает, я его уволил как раз за эту статью!» А вернувшись после головомойки в редакцию, вызывал провинившегося в свой кабинет и приказывал: «Так, три месяца печатаешься под псевдонимом! А через три месяца про скандал все забудут, фамилию верну!» Вот и про Машу он тогда сказал: «Ну чего вы хотите, товарищ молодой, неопытный, ну, не разобралась девушка, недопоняла что-то, так сами виноваты – надо было помочь, подсказать! Куда секретари райкома смотрели? Да к тому же у нее и практика заканчивается!» А практика у нее тогда получилась отличная, защитила она ее на пять, и куратор группы Николай Степанович долго расхваливал ее, шлепая своими знаменитыми на весь курс губами...

– ...Природные трудности, понимаешь! В прошлом году за путину прошло четырнадцать штормов, это как? Тайфуны один за другим всю осень! А зимой бураны такие, ветер с ног сбивает! – вывел ее из воспоминаний задушевный голос Ячmeneва.

Берг внимательно слушал, округляя глаза.

– Ну ладно, заговорил я вас, гости дорогие! – Ячmeneв поднялся из-за стола. – Работайте, снимайте, пишите! Конечно, хорошо бы по итогам командировки еще раз пообщаться, так сказать, поделиться увиденным! Ну и так, в любое время, если потребуется содействие, – милости прошу, милости прошу! – Он широким жестом снова протянул руку Маше и Бергу. – Телефоны мои знаете, звоните, если что, или через Лидию Гавриловну передайте! Как в гостинице, нормально заселились? У нас, конечно, не «Мариотт», ха-ха, но приезжайте лет через пять, будет и у нас отель не хуже, непременно!

Когда они вышли из пахнущего какой-то химией здания на сырой воздух, Маша глубоко вдохнула и выдохнула: хотелось отдышаться от красноречия и радушия.

– Мария, этот человек был комсомольский функционер, я правильно понял? – смиренно спросил Берг.

– Ну да, как почти все наши политики, банкиры, министры и тэ дэ, – устало ответила Маша. – А вы разве не были активистом Союза свободной немецкой молодежи? Как же тогда на учебу в Москву попали?

– Да, меня послала в Москву СДПГ! – согласно кивнул Берг. – Только не как активиста, а как победителя национального конкурса «Немецкий фотообъектив». Я тогда школу заканчивал, и мои снимки победили в номинации «Выше, быстрее, сильнее» – это спортивный репортаж. Но я конечно, был комсомольцем, как все, конечно! Но я закончил журфак в 1988 году, а в восемьдесят девятом, вы знаете, Германия объединилась, и активистом я так и не успел стать... А так, наверное, был бы...

«Надо же, мы с ним целый год учились на одном факультете, но я его совсем не помню, – подумала Маша. Впрочем, пятикурсники для них, только что поступивших несмышленишей, были небожителями, конечно, он и не снизошел бы до меня тогда!»

– Все мы были комсомольцами, и ничего дурного я в этом не вижу, – примирительно сказала она. – Коллективизм все равно лучше индивидуализма, который процветает сейчас.

– Вы так думаете? – растерянно спросил Берг. – А мне казалось, у вас сейчас не принято хорошо вспоминать то время...

– Ну, это кому как, – засмеялась Маша. – Меня журналистом сделали в комсомольской газете, за что я ей по гроб жизни буду благодарна. Но идиотизма тогда точно хватало. Впрочем, как и сейчас!

За разговором они дошли до рыбоперерабатывающего предприятия «Россия» – так пышно теперь назывался бывший скромный рыбозавод. Нырнули в острый запах сырой рыбы, водорослей и еще чего-то терпкого. Полдня провели в длинном дощатом цеху, где веселые крепкие девахи шкерили – бесстрашно пороли острыми, как бритва, ножами серебряную горбушу. Двумя отточенными движениями они пластали упругие тушки, успевая при этом перекрикивать грубыми голосами стрекот транспортера. Берг, весь облепленный чешуей и брызгами рыбьих кишок, скакал между транспортерами, искал ракурсы. Шкерщицы скалились, заигрывая с чистеньким немцем, предлагали встать с ними на конвейер.

Маша не скучала: с упоением узнавала знакомые запахи: йодистый дух рыбьей плоти, свежий лесной – от фанерных бочонков для икры. Радовали ее и незамысловатые шуточки девчат, и свежий ветер, свободно проносящийся сквозь цех. Она снова была дома, дышала привычным воздухом...

В сумерках вернулись в гостиницу, шли по опустевшим улочкам, в окнах хибар светились телевизоры – многие, видно было, смотрели японские программы с мило улыбающимися раскосыми красотками и бурно хохочущими комиками.

– Это и есть сопка Любви. – Маша махнула в сторону темного силуэта невысокой сопочки. – Тут замглавы собирается храм строить. А раньше здесь другим богам служили, наверное языческим. Здесь девчата-шабашницы надеялись стать счастливыми, а становились чаще всего несчастными.

– Шабашницы? – уловил незнакомое слово Берг. – Это девушки из рыборазделочного цеха?

– Ну да, шабашницы, завербованные. – Маша сама удивилась, как странно звучат, казалось бы, давно знакомые слова. – Так раньше девушек называли, которые сюда приезжали на путину. Многие за деньгами, а многие хотели судьбу изменить, мужа найти или любовь – кому чего хотелось. Издалека ехали – с Украины, из Белоруссии, с запада, из Сибири.

– Любовь можно не так далеко искать, если ты молод, – отчего-то грустно сказал Берг.

– Не все и молодые были, шабашницы разные, вы же видели, – усмехнулась Маша. – Только любовь у них чаще всего на одну путину только и была. Вот на этой сопке рождалась, тут и помирала. Кому-то везло, конечно, но большинство находило совсем не то, что искало.

– А сейчас? – заинтересовался Берг.

– А сейчас не знаю, надо присмотреться, – покачала головой Маша. – Девчата вроде такие же, только меньше их, рыбы ловят меньше. Рыбаков, то есть женихов, стало быть, тоже меньше.

Ужинать решили в гостинице, в единственный в поселке ресторан идти не хотелось. Заснула Маша как убитая, едва коснувшись подушки.

Берг долго сидел над дневником, не спалось. Чем ближе была цель, тем сильнее он чувствовал возбуждение. Да и необычность природы, яркие впечатления от здешних встреч не давали успокоиться, требовалось как-то переварить их, уложить в голове.

И Маша... Он все время исподволь наблюдал за ней. Она была не похожа ни на одну из женщин-журналисток, которых он знал. В ней не было ни напористости газетного репортера, ни наигранной наивности начинающих телезвездочек, ни искушенности прокуренных теток-обозревателей известных журналов. Она разговаривала с людьми, спрашивала, смеялась их шуткам так, как будто была одной из них. Пыталась работать вместе с ними, не совала в нос

диктофон, блокнот доставала редко и записывала что-то в нем украдкой, не на глазах у тех, с кем говорила.

Естественность – вот, он нашел слово, которым можно было это выразить. Она была естественной, не играла в журналиста из центра, а была сама собой – обычной женщиной в необычных обстоятельствах. «Жаль, что об этом не расскажешь в своем репортаже, – подумал Берг, – вряд ли это будет интересно редактору рубрики. А вот читателям, наверное, было бы интересно, большинство из них представляют русских стереотипно, если не сказать карикатурно. Впрочем, как и русские – немцев», – добавил он сам себе.

Утром следующего дня был запланирован поход на рыбозаводный завод, на ту сторону реки. Пошли пешком, потопали через деревянный мост, свесившись через перила, полюбовались темными тенями идущей вверх по течению рыбы. Берг шел с расчехленной фотокамерой.

За ними на почтительном расстоянии гарцевала на ободренных велосипедах стайка ребят лет восьми-девяти. Пацаны выписывали восьмерки, поднимали свои выдавшие виды транспортные средства на дыбы – в общем, всячески демонстрировали независимость, но следовали за приезжими неотступно до самого завода.

На проходной их встретил дед-вохровец, проводил к директору, Николаю Николаевичу Спасову – высокому сухощавому человеку. Лицо его походило на индейскую маску – с резкими морщинами на загорелой до черноты коже.

– Что же вы хотите снимать? – Директор сложил перед собой узкие ладони с сильными пальцами. – Вы ведь в географическом журнале работаете, так я понимаю? Пейзажи, природу?

– Да-да, и природу, конечно, – заторопился Берг. – Но люди мне также интересны, ваша работа, условия, в которых вы живете. Хотелось бы попросить кого-то рассказать о себе, если возможно, побывать дома – люди интереснее всего.

– Это верно, люди интереснее всего, – как-то странно усмехнулся Спасов. – О производстве вам главный технолог расскажет, проведет вас по хозяйству, я предупрежу. А про людей... – Спасов нажал кнопку офисного коммутатора допотопной конструкции. – Рая, зайди ко мне!

Через две минуты дверь резко распахнулась и вошла высокая статная женщина в синем халате. Унылая спецодежда не могла скрыть великолепной фигуры с высокой грудью, тонкой талией. Чуть скуластое лицо с прямыми, вразлет бровями и легкими веснушками на носу, светло-зеленые глаза, пышные русые волосы рассыпаны по плечам – просто красавица.

– Это Раиса Яновна Венцель, мастер цеха, – представил Спасов красавицу, открыто любящую ее. – Рая, вот познакомься, гости из столицы. Время будет, прими их дома, покорми, обласкай. Сергей-то когда возвращается? – каким-то ненатуральным тоном произнес директор.

– Через неделю, вы же знаете, Николай Николаич, – обожгла взглядом Рая.

– Ну вот и хорошо, стало быть, сможешь?

– Конечно, Николай Николаич, – еще раз полоснула взглядом красавица. – Сегодня у меня стирка, а завтра милости прошу.

– Ну, тогда проводи их до Галины Афанасьевны, а? Она ждет.

– Пойдемте, – не слишком приветливо махнула рукой Раиса.

Проведя приезжих длинными темными коридорами до двери с черной стеклянной табличкой «Главный технолог Г.А. Спасова» и резко развернувшись, Раиса почти бегом отправилась назад. Берг проводил ее внимательным взглядом. Маша чувствовала себя не в своей тарелке – то ли от явной неприветливости Раисы, то ли оттого, что ее диковатая красота столь же явно поразила Берга. «Фифа какая!» – вполголоса пробормотала она и решительно постучала в дверь.

За обшарпанным столом сидела крошечная женщина в зеленой брезентовке и с нимбом коротких седых кудрей над головой.

– Здравствуйте, проходите! Спасов мне только что звонил, – быстро проговорила она. – Что вас интересует?

– Добрый день! – поклонился Берг. – Я – корреспондент журнала...

– Знаю-знаю, – перебила женщина. – Извините, времени на церемонии нет, самая работа. Меня зовут Галина Афанасьевна, вы – Андреас, так, да? А вы – Маша? Ну, пойдемте сразу по цехам, не будем отвлекаться, а чаем вас потом девчата напоят. – И как маленькая китайская петарда, она устремилась вперед. Берг, утяжеленный камерами и «разгрузкой», и еще не совсем проснувшаяся Маша понеслись за ней.

Маша примерно представляла, что их ждет, и в душе хихикала: как, интересно, воспримет реальность рыбопроизводного процесса чистюля Берг.

Икру и молоку из пойманной живой («созревшей», сказала Галина) рыбы, слегка тпнув ее по голове, чтобы не трепыхалась, выдавливали буквально голыми руками в большие тазы, добавляли воды, размешивали, а затем распределяли икру тонким слоем по квадратным рамкам с натянутой на них сеткой. Затем рамки вставляли в металлические стойки-кассеты. Заполненную кассету краном опускали в проточную воду цеха. Процесс, мягко говоря, совсем не грациозный...

Но Берг в очередной раз удивил ее. Он не выражал никаких неофитских эмоций, внимательно слушал объяснения маленькой Галины Афанасьевны, кивая, зорко высматривал нужный кадр. И строчил, строчил своими камерами.

Через четыре часа, изучив досконально технологию сбора и оплодотворения икры лососевых, а также закладки ее в кассеты для последующего выращивания, забрызганные чешуей и насмерть замерзшие в продуваемых насквозь цехах, Маша и Берг вышли на белый свет.

– Вы как хотите, Андреас, а я бы вернулась в гостиницу, помылась бы, поела чего-нибудь и поспала хоть пару часов. А потом продолжим, ладно? – взмолилась Маша.

– Да-да, конечно, вам надо отдохнуть, – закивал довольный съемкой Берг. – Я согласен.

Обратный путь показался им короче, верные спутники пацаны словно ждали их за мостом и сопровождали до самой гостиницы. Маша собрала полотенце, шампунь, мочалку и пошла в душ, мечтая об одном – согреться. Но горячий кран выдал лишь пару капель ржавчины и утробный звук.

Вспоминая все плохие слова, которые знала, Маша согрела допотопный электрический чайник и кое-как вымыла над раковиной голову. Вытираясь полотенцем, услышала плеск воды в душевой и обрадованно побежала в конец коридора. Но радоваться было нечему – горячей воды по-прежнему не было. Из кабинки бодро бубнил что-то по-немецки Берг. Маша представила, каково сейчас под холодным душем, и в ужасе вернулась в свою комнату пить чай.

Через полчаса в дверь деликатно постучал розовый Берг с мокрыми, гладко зачесанными волосами. Хохолок на затылке все равно упрямо торчал. Пошли в столовую, съели немудреный столовский обед.

Берг и сюда притащился с камерой и деликатно, не особо привлекая внимание, поснимал девчонок на раздаче, посетителей – малочисленный командированный люд. Отдельно снял рисованное цветными карандашами меню на стенке, на котором неизвестный художник изобразил тарелку с чем-то красным и большую рыбину с губами бантиком и женским глазом с длинными ресницами – улетная красота!

К вечеру потеплело, ветер утих. Маша и Берг, разморенные дневным сном, решили погулять вдоль берега моря. Солнце садилось за морскую даль, заливая расплавленным золотом неподвижную воду, каплями дробясь о скалистый берег. По полосе отлива идти было нелегко – под ногами пружинил толстый слой мокрых водорослей.

Между камнями кое-где сохранялись лу жицы морской воды, в которых копошились какие-то мелкие существа. Чуть повыше лежала еще одна черная кайма – из уже высохших водорослей.

Но когда Маша, в надежде найти большую раковину морского гребешка, наклонилась и откинула пласт сухой ламинарии, в лицо ей брызнули мириады каких-то скакучих морских блошек. Берг, педантично повторявший все Машины действия, тоже получил порцию блошек в нос и испуганно отшатнулся. Маша захохотала, он тоже неуверенно захихикал.

Серые рубчатые скалы над пляжем становились все краснее от закатных лучей, кривые лиственницы, постоянным ветром ссутуленные в одну сторону, тоже стали из золотых красными. Маша и Берг шли все дальше вдоль берега, находя и показывая друг другу ракушки и камни, поднимая пласты водорослей. Берг то и дело щелкал камерами, то прикивая к песку, то нацеливая объектив наверх, на скалы. Маша нашла красивый фарфоровый флакончик, занесенный песком, отмыла, Берг снял и его.

Какое счастье было в детстве найти в прибое что-то подобное – японскую пластмассовую куколку с полусмытым лицом, стеклянный шар-поплавок с рыбацких сетей, замысловатую бутылку...

Острый запах йода, рыбы, гниющих моллюсков не раздражал ее, наоборот, казался естественным. Привычная саднящая боль, которая все последние месяцы морозила и жгла изнутри, словно растаяла, осталось только детское ощущение соленой ямки от вырванного зуба. Хотелось даже полизать ее языком, чтобы скорее зажила. Маша запрокинула голову. В небе длинными алыми полотнами висели облака. Солнце совсем скрылось за морем, напоследок протянув по воде переливчатую темно-золотую дорожку. Резко стемнело, подул ветер.

– Пойдемте назад, Андреас, а то в тем ноте ноги собьем, – с сожалением предложила Маша.

– Да-да, я согласен, – закивал Берг.

Не прошли и пяти минут, как вдруг прямо в лицо им ударил мощный белый луч. Он словно дымился и жег глаза. Маша враз ослепла, споткнулась о валун.

– Внимание! Граждане на полосе прибоя, немедленно остановиться! Остановиться! – загремел усиленный мегафоном мужской голос.

Через секунду луч погас, но вечерние сумерки после него показались крошечной тьмой. Три тени – одна ближе, две чуть дальше – подошли. Ближняя взмахнула крылом:

– Старший пограничного наряда старший сержант Веденеев! – представилась юношеским баском. – Ваши документы, пожалуйста!

Маша вдруг с ужасом вспомнила, что свои паспорта они так в милиции и не получили.

Черт, теперь придется полночи объясняться с пограницами, доказывать, что ты не шпионка.

– Товарищ старший сержант, мы только вчера прибыли, сдали паспорта на регистрацию, – заискивающе проблеяла она. – Я – корреспондент журнала «Информ» из Москвы Мария Зотова. А это коллега из Германии, корреспондент журнала «Интернэшнл джиогрэфик» Андреас Берг... У нас есть служебные удостоверения... Мы просто гуляли...

– Иностранец? Из ФРГ? – с усмешкой спросил басок. – Интересно, граждане! Придется пройти с нами. Тут все-таки погранзона, а не парк Горького.

– Но у нас есть аккредитация пресс-службы губернатора, – обрела голос Маша. – Есть разрешение на съемки! Мы же не тайком сюда приехали, нас проверяли на теплоходе и по прибытии...

– А вот мы сейчас и проверим все ваши аккредитации и прочее. – Сержант качнул автоматом в сторону своих спутников, и те молча заняли места за спинами Берга и Маши. – Следуйте за мной!

– Не волнуйтесь, Андреас, сейчас все разъяснится, – прошептала Маша.

Сержант среагировал мгновенно:

– А вот разговорчики попрошу отставить!

– Да что такое, товарищ сержант, вы с нами как с преступниками не разговаривайте, пожалуйста! – не выдержала Маша.

– Вы не преступники, а задержанные на территории погранотряда до выяснения личностей, – веско припечатал старший.

Показалось Маше или нет, что за ее спиной пограничник слегка хохотнул?

– Не вольнуйтесь, Мария, – тихо проговорил Берг, – сейчас все выяснится, да-да.

Подворачивая ноги на камнях, оступаясь и шлепая в темноте по соленым лужам, они едва поспевали за сержантом, который ни разу не оступился и не разбрызгал воду. «В темноте он, что ли, видит, – со злостью думала Маша, – ведь по голосу слышно, что пацан, а как же ему нравится командовать. Тоже начальник!»

Поселок светился на склоне сопки разноцветными окнами, редкими фонарями. Но они миновали его под берегом, по крутой тропке выйдя прямо к зданиям погранзаставы. Сержант повел их не к длинному корпусу, где, как помнила Маша, находился кабинет командира, а к дальнему, такому же длинному зданию, в котором светились все окна и откуда, кажется, даже доносилась какая-то музыка.

Сержант обтер сапоги о железную решетку у крыльца и скрылся в доме. Через пару минут вышел не один. За ним на крыльце появился невысокий толстоватый человек в форменных брюках и офицерской рубашке, но без погон. Ворот был расстегнут, галстук снят с шеи и болтался на заклочке. По всему было видно, что человек нетрезв и весел.

– Доставили? Ну, молодцы, свободны! – Он махнул рукой, и пограничный наряд тут же скрылся в темноте. – А вы, товарищи нарушители, следуйте за мной.

Маша поднялась по ступенькам и почувствовала, как Берг крепко сжал ее ладонь, успокаивая. Ей и правда от его теплой руки стало как-то спокойнее, она даже приготовилась сказать пару резких фраз.

Но тут распахнулась дверь, из которой на площадку вывалился шум-гам, ор какого-то певца, сигаретный дым – тут явно гуляли. В прихожей хозяин развернулся к ним лицом и крепко потер лоб растопыренной ладонью.

– Разрешите представиться: подполковник Зубенко Игорь Васильевич! – Круглое лицо, похожее на горсть мелочи, такое в нем все было маленькое и невыразительное, расплылось в улыбке. – Командир погранзаставы. Прошу ко мне в гости, простите, что пришлось так доставить! У супруги день рождения сегодня, очень просила вас найти, а вы пропали куда-то... Вот, пришлось наряд за вами высылать, уж не взыщите!

Маша уже набрала воздуха, чтобы высказать заготовленные фразы. Но тут из-за замызанной занавески, прикрывающей вход в комнаты, выскочила женщина, за ней теснились еще несколько, хохотали, что-то одновременно кричали. Женщина была высокая, яркая, как тропическая лиана. Всего в ней было с избытком: глаз, бюста, яркой косметики, волос в высокой прическе, украшений. И говорила она громко, быстро, не слушая никого:

– Ой, извиняюсь, проходите, пожалуйста! Я – Марина. Игорек, ты чего гостей не приглашаешь в дом? Проходите, не стойте, что же вы, ой, я так рада, ужас просто! – Она подхватила Машу под локоть, быстро сняла с нее куртку, растопырив пальчики, попыталась снять с Берга тяжеленную «разгрузку», но не смогла, отступила, продолжая громко и напористо что-то говорить. Пахло от нее водкой, крепкими духами, потом, она тянула Берга за рукав, одновременно подталкивая в спину Машу, пока не втощила их в большую комнату, полную народа, шума и дыма.

– Знакомьтесь, – рубанул рукой сизый воздух хозяин. – Тут все свои, друзья, так сказать, наша интеллигенция.

В дальнем углу Маша увидела долговязого Нефедова, рядом с ним смуглое лицо и яркомедовые глаза его жены, Лиры Исхаковой, помахала им приветливо.

– Я извиняюсь, что так все получилось, хоте ли вас заранее пригласить, да не нашли, – тараторила Марина, расталкивая народ и расчищая мес то за столом для Маши и Берга. – Садитесь, у меня рождение сегодня, так я и подумала, что надо вас пригласить, а то ж вы тут никого не знаете, тоска же в гостинице вечером! А вы посидите с людьми, выпейте, закусите, и нам интересно с журналистами, да еще заграничными... Садитесь!

Машу и Андреаса затолкали за стол, стиснули, поставили перед ними тарелки, стопки. Со всех сторон тянули бутылки, блюда с наполовину съеденными закусками. Здесь тоже была рыба во всех видах, глубокая тарелка с икрой, какие-то салаты...

На лице Берга замешательство боролось с привычной вежливостью. Маша решительно стала накладывать на его тарелку закуски. Себе тоже насыпала всего – лишь бы остановить этот приступ гостеприимства.

– Тихо, тихо там! – застучал вилок по стакану хозяин. – Налейте! Давайте выпьем за гостей, которые прибыли на наше торжество. Честь, так сказать, и тэ дэ. Марин! Давай скажи!

– А чего, – хихикнула Марина. – Ты ж все сказал, давайте выпьем за гостей из далекой Москвы и еще более далекой Германии. Вы к нам надолго? Фотографировать будете нас?

«А то ты не знаешь, – враждебно подумала Маша. – Раз уж твой муж нас с берега моря достал и под конвоем доставил, можно подумать, ему вся наша подноготная неизвестна». Но встала и, взяв в руку мокрую от переливающейся через край водки стопку, с любезной улыбкой произнесла:

– С днем рождения, Марина, желаем вам здоровья, благополучия и всеобщей любви, которую, как мы видим, к вам и так все питают!

– Ой, спасибо! – махнула рукой с устрашающе красными ногтями Марина и залпом выпила полстакана водки. Даже не изменившись в лице, заворковала: – Да вы кушайте, кушайте, мы уж и горячее ели, догоняйте! Полин, музыку давай!

Опять грянули какие-то шлягеры, модные в прошлом году, разгоряченные гости пустились в пляс.

Маша видела, как Берг потихоньку разглядывает разномастную публику, и ей опять стало отчего-то стыдно. Она рассердилась на себя за это чувство: «Подумаешь, если иностранец, так мы должны перед ним стелиться?»

Ей показалось, что Берг тут же все понял: и ее мгновенный стыд, и злость на саму себя, даже стыд за то, что стало стыдно. Он аккуратно ел, приветливо улыбался в ответ на взгляды, которые, не стесняясь, вперяли в него подавшие гости.

По-настоящему Маша испугалась, когда из визжащей толпы к ним ринулась еще одна яркая дама. Тонкая, гибкая, гладкой темной головкой, узко подведенными глазами и блестящим зеленым платьем, видимо, не без расчета напоминающая какую-то экзотическую змею. Извиваясь всем телом и делая какие-то странные пассы длинными руками, она подошла вплотную к Бергу и хриловатым голосом произнесла: «А позвольте вас пригласить на танец?» Берг, широко улыбаясь, встал, поклонился и учтиво подал «змее» руку. Она победно посмотрела на толпу и двинулась на середину.

– Как ваше имя? – великосветским тоном громко спросила она, вихляясь всем телом, вполне, впрочем, пластично, отметила Маша.

– Андреас Берг, к вашим услугам! – старомодно отрекомендовался немец. – А как зовут вас?

– А меня зовут Виктория! – еще громче и с вызовом вдруг сказала дива. – Знаете, почему?

Я родилась девятого мая! Это вам о чем-нибудь говорит?

– О, конечно! – Берг не выказал ни тени смущения. – В честь победы над гитлеровской Германией? Это имя вам подходит. Очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.